

князя, а престол Митрополита связывал Поволжье и русский улус. Да и князья городов подчинялись Митрополитам Петру, Феоносту, Алексию и игумену Троицкой Лавры – Сергию. А в Орде русские интересы представляли епископ Сарский и Подонский. Новообращенные в ислам кочевники уважали православие не меньше ислама; фанатизм наблюдался только у камских булгар, наименее надежных подданных Орды. И надо сказать, что наиболее ценным было отсутствие как у монголов, так и у русских, того проклятия, которое именуется расизмом. Никто не считал антропологические черты знаком высшего или низшего состояния – в природе нет лучшего или худшего – есть разница. И принцип качества евразийским народам был известен лишь в аспекте интеллектуально-психологическом. Были люди умные и глупые, храбрые и трусливые, честные и обманщики, а такие различия с расизмом не связаны. И не «горение», вызывающее фанатизм, а религиозная терпимость помогла достичь интеграции

Евразии, где просто столица была перенесена из Сарая в Москву (ведь Москва до 1480 года входила в состав Золотой Орды), что убергло от переноса столицы в Вильну, к чему настойчиво стремились великие князья литовские Ольгред и Витовт. В XIX веке самая пассионарная часть русских воинов полегла в войнах с Наполеоном, истребление евразийских традиций продолжилось под лозунгом русификации. С местными традиционными и оригинальными обычаями была проделана та же нивелляция, что и с православием. Зато появились европейские философско-социальные концепции, они-то и забурлили в духовном вакууме. Никогда русским боярам и атаманам землепроходцев не приходило в голову духовно угнетать этносы с самостоятельными культурами». (Литературная учеба. 1990. № 6. С. 73-76).

Эта евразийская трактовка отечественной истории – своеобразный итог научных изысканий Л.Н. Гумилева в области этногенеза.

НЕМЕЦКИЕ ШТУДИИ ПРОФЕССОРА П.И. НОВГОРОДЦЕВА

А.А. Лицук

Лицук
Андрей Александрович

кандидат философских наук,
доцент Нижневартковского
государственного
гуманитарного университета
г. Нижневартовск

Время формирования и развития философско-правовой концепции вы дающегося русского философа, правоведа, историка и политика Павла Ивановича Новгородцева (1866-1924 гг.) совпало с периодом глубинных изменений, происходивших в российском обществе на рубеже XIX-XX веков. Это определило стремление мыслителя сосредоточить свое внимание на вопросах о метафизических основаниях права и морали, форм взаимосвязи и взаимопроникновения этических и юридических норм в духовной культуре, анализу особенностей реализации

в социальной жизни абсолютной этической ценности. В своих работах Новгородцев стремился защитить идею правового и социального государства, показать возможности правового общества.

Новгородцев изучал проблему взаимоотношения личности с обществом и государством прежде всего в нравственно-правовом контексте, что позволяет рассматривать его многогранное творчество, как продолжение традиции, заложенной еще в трудах Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева. Кроме наследия этих русских мыслителей, своеобразной идейной и теоретико-методологической платформой для Новгородцева стали системы И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, в которых русский ученый обнаруживает обоснование нового философского учения – нравственного идеализма или «этического нормативизма», онтологические, гносеологические и, особенно, этические основы которого он разрабатывает в своих работах. Новгородцев

воспринял и развил кантовскую идею о делении духовной жизни человека на две независимые и самодовлеющие сферы – область опытного знания и сферу постулатов, императивов. Особое внимание при этом он уделял проблеме «необходимости» и «свободы» и тому, как она решалась в философии немецких мыслителей.

Создавая свою оригинальную естественно-правовую теорию, русский ученый стремился развить и дополнить системы Канта и Гегеля, устранив их односторонность. Так, Новгородцев отмечал, что для Канта было важным определить отвлеченный закон нравственной жизни, однако такой формализм кантовской этики не позволял воплотить ее в реальную жизнь. В то же время основная задача гегелевской философии состояла в том, чтобы показать, как этот закон осуществлялся в жизни, при помощи каких средств и сил.

Следуя Канту, Новгородцев считает, что разумное начало в личности есть *автономное нравственное начало*. Разум является единственным источником идеи должного, морального закона, который представляет собой факт чистого сознания. Данный закон безусловно достоверен сам по себе и независим от исторической необходимости. Когда же нравственная идея прилагается к сфере социальных отношений, она приобретает форму естественного права, то есть форму неизменной идеальной нормы с меняющимся содержанием. В этом случае естественное право получает значение собственно философского мировоззрения, с позиций которого рассматривается возможность синтеза личного и общественного. Иначе говоря, основа естественного права, по Новгородцеву – это моральная идея личности; личности самоценной и самодостаточной.

Выводя, как и Кант, естественное право из разума и нравственности, Новгородцев выступает как рационалист. В то же время русский мыслитель понимает, что абсолютный рационализм без какого-либо эмпирического наполнения не может адекватно отразить положение вещей, что определяет необходимость его соединения с историзмом. В этой связи он пишет: «Если ра-

ционализм отрицает всё историческое, не находя в нём соответствия со своими принципами, то этим самым он обнаруживает внутреннее бессилие и бессодержательность этих принципов»¹. Сама история, по Новгородцеву, представляя собой деятельность отдельных личностей, имеет некие общие разумные основания, что позволяет говорить о связи рационализма и исторической действительности. Однако при этом мыслитель отдает несомненный приоритет рационализму, который, по его мнению, автономен. Он убежден, что именно рациональное спасает человека от положения его в истории как пассивного наблюдателя, в то время как односторонний историзм, гиперболизируя роль исторической необходимости, обрекает историю на фатальность, а саму личность на положение марионетки. Однако подобная роль не может быть отведена человеку, поскольку

ему неизменно присуще обладание нравственным чувством². Следуя такой логике рассуждений, Новгородцев приходит к обоснованию двух тезисов: 1) рациональное преобладает над историческим; 2) разумное (рациональное) начало личности совпадает с его нравственным началом.

Таким образом, естественное право русский философ истолковывал не в контексте исторической эволюции,

а в качестве вечно неотъемлемого права человеческой личности, имеющего нравственную природу и характер абсолютной ценности. В природе есть нечто, утверждал он, что «существует не со вчерашнего дня. Это – не туманная социальная динамика, относительно которой еще неизвестно, есть ли она или нет; это – вечные основы морального сознания, и прежде всего принцип личности и ее безусловного значения, принципы равенства и свободы, справедливости и любви»³. Новгородцев провозглашал абсолютность нравственного сознания, не переменным принципом которого является невозможность объяснить с точки зрения исторической и социологической причинности необходимость идеи долга и требование возвыситься над несовершенной реальностью, критически оценить повседневность. Нравственное сознание,

подчеркивал он, не строит идеального мира. Оно выступает за то, что жизнь определяется вдохновением Добра, и если этого нет, она подлежит осуждению. Новгородцев доказывал в своих работах, что именно нравственное сознание является исходным фактом, источником происхождения всех остальных понятий. Понятие свободы также представляет собой не основу нравственности, а ее следствие.

Действительно, Новгородцев в своем учении во многом следует за Кантом, однако назвать его правоверным кантианцем нельзя. Здесь можно увидеть скорее несомненную близость взглядов, чем их полное совпадение. Стремясь понять Канта, а «понимать Канта – это значит идти далее него»⁴, русский философ предлагает свое понимание основополагающей для нравственной философии категории категорического императива. Так, Новгородцев в работе «Нравственная проблема в философии Канта» указывает: «Нравственный закон, который мы сознаем в себе, должен существовать во внешнем мире»⁵. Это означает, что следование требованиям категорического императива, не есть только внутреннее дело (состояние) личности, но нечто большее, несводимое к личности и от нее независимое. Для Новгородцева нравственный закон должен иметь основание в обществе, в то время как сам Кант вовсе не ставит этой проблемы. Философская позиция кенигсбергского мыслителя в этом смысле предельно формальна и индивидуалистична, в чем и проявляется, по мнению Новгородцева, ограниченность его взглядов.

В этой связи важным является то, каким образом русский мыслитель решает вопрос о соотношении научного опыта и нравственной свободы. Как отмечалось, Новгородцев, идя вслед за Кантом, разделяет сферы практического и теоретического разума, утверждая тем самым их дуализм. По его мнению, моральный закон есть факт чистого разума, который априорно сознаёт сам себя. Он безусловно достоверен сам себе и не может быть доказан никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического разума – умозрительного или эмпирического. «В этом же направлении, независимо от опыта и теории, совершаются все выводы практического разума: он оценивает действительность согласно со

своими принципами; он осуждает и отвергает её, несмотря на то, что она представляет собою продукт необходимости, неизбежный результат естественных причин»⁶. Таким образом, понимая под этикой «не теоретический анализ нравственной идеи, а совокупность нормативных определений должного»⁷, Новгородцев приходит к выводу, что нравственные суждения высказываются не в связи с теоретическими, а параллельно с ними.

«Одна из существеннейших заслуг Канта, – писал Новгородцев, – состоит в том, что своим формальным пониманием нравственного долженствования он открыл для нравственных стремлений безграничный простор. Он указал, что идея свободы есть граница научного опыта: методическая и связанная деятельность разума здесь кончается, чтобы уступить место бесконечным стремлениям и ожиданиям»⁸. Следовательно, нельзя смешивать категории научного опыта и область нравственной свободы. По мнению Новгородцева, необходимо разграничить этику, для которой характерна безграничность перспектив, и науку, отличительной чертой которой является точность ее заключений. Нужно признать границы науки, чтобы отстоять права этики и самостоятельность нравственной философии. Однако, соглашаясь с кантовским утверждением о том, что нравственная оценка независима от научно-детерминистического познания, русский философ указывает и на то, что воля у Канта берется абсолютно в чистом виде, безотносительно к «материи желаний», т.е. к реальной действительности, а это, в свою очередь, оставляет открытым вопрос об осуществлении нравственного идеала.

Так, Новгородцев подходит к выявлению главного пробела в учении Канта, который, устанавливая априорные начала нравственного сознания, ничего не говорит об эмпирических условиях его развития. Этот пробел проявляется в особой форме нравственного априоризма, фактически закрывающего для этики мир естественных побуждений и жизненных стремлений, устранявший возможность ясного понимания общественной стороны морали. Новгородцев констатирует: «Нравственное значение общения остается невыясненным. Этика Канта сбивалась на индивидуалистическое созерцание прежнего

времени, и в этом был ее недостаток»⁹.

По мнению отечественного мыслителя, субъективный идеализм Канта не устранял противоречия между необходимостью и свободой, а нравственный закон в его философии получал характер абстрактной нормы, лишенной содержания и власти над действительностью¹⁰. По Канту, главным нравственным мотивом соблюдения требований категорического императива является «уважение» отдельного индивида к внутреннему сознаваемому закону, к своему долгу. Приводя к крайнему индивидуализму, подобная позиция затрудняет переход к «объективной» этике, к общению людей друг с другом. В трудах Канта отсутствует теоретическое обоснование того, что мораль должна быть «осуществляющимся законом жизни». Для Новгородцева же тема человеческого общения и поиска ее наиболее совершенных форм становится одной из центральных, можно сказать, что она стала «живым нервом» всего его учения. Именно «целость общения» провозглашается Новгородцевым «трансцендентным идеалом», достижение которого отнесено в бесконечность, но в движении к которому и заключается смысл человеческой жизни.

Вновь отметим, что Новгородцев вовсе не отказывается от идеи ценности формального характера нравственности. Наоборот, по его мнению, именно формализм этики обеспечивает её чистоту, требовательность и автономность. Мораль безразлична к степени своего осуществления в мире. «Если бы действительность была даже сплошным нарушением категорического императива, – пишет Новгородцев, – он всё же обращается к лицу: «ты должен». Он не знает извиняющих примеров, тяжёлых условий, человеческих слабостей. Как непререкаемая норма, как безусловная правда, он утверждает свою силу, несмотря ни на какие условия»¹¹. В то же время, философ указывает, что мораль – это не фотографический снимок, не копия нравственного сознания, а схематический чертёж, алгебраическая формула нравственной воли. В силу этого этика может и должна иметь связь с действительностью, что обнаруживается прежде всего в праве. Так Новгородцев приходит к выводу, что основным путем усовершенствования кантовской индивидуалистской этической

концепции является переход от формальной этики к теоретическому обоснованию права и государства.

Таким образом, признавая несомненные заслуги Канта, Новгородцев приходит к выводу, что в его учении содержится ряд существенных недостатков. Основным из таковых, по его мнению, является то, что кантовская идея самозаконности не позволяет составить представления о действительной связи лиц в обществе, причем такой связи, которая учитывала бы различия этих лиц и способы их общения в интересах целого. Кроме того, верно указав на различие морали и права, Кант не устанавливает их связь между собой. Из учения кенигсбергского мыслителя не ясно также как юридические обязанности могут становиться этическими, в чем моральная основа права.

Особое внимание Новгородцев обращает на то, что Кант, понимая государство как реализацию идеи права, не поясняет, каким образом осуществляется переход от нравственной свободы личности к конкретным ее юридическим и политическим правомочиям. Так, по Канту, основанием самого государства является принцип автономии, когда центральная власть должна реализовать волю народа, не ущемляя при этом свободы личности. Однако, требование того, что каждый должен повиноваться только тому закону, на который сам дал согласие, в реальной жизни воплотить невозможно, поскольку этой идее разума не может быть адекватна никакая форма представительства. То, что такую идею нельзя выразить полно и правильно, приводит к утверждению неприкосновенности всякой верховной власти, которая, объединяя разрозненную (т. е. незаконную) волю народа, обеспечивает правовой порядок, предотвращает хаос и террор. Кант считает, что подчинение верховной власти обязательно, несмотря на то, что она не может быть справедливой, поскольку принадлежит людям, неспособным по природе своей не злоупотреблять своим «служебным положением». Единственным оплотом народных прав, где реализуется априорная идея права, остается только свобода слова. Новгородцев приходит к выводу, что, много рассуждая о «духе» правления, Кант мало внимания уделяет проблеме реальных учреждений такого правления.

Стремясь преодолеть недостатки кантовской философии права, Новгородцев обращается к учению Гегеля, который от абстрактного закона личной нравственной воли переходит к общественной стороне морали. «Этот переход, – пишет Новгородцев, – представляет собою неизбежный шаг цельной этической системы, и он совершается Гегелем со всем сознанием его глубокой важности. В этом смысле учение Гегеля, подобно учению Канта, должно быть признано классическим образцом нравственной философии. Это – два основных типа этической мысли, которые являются классическими даже в своих недостатках. Субъективное направление Канта при одностороннем его развитии может привести к отрицанию необходимости общественного прогресса нравственности, к утверждению, что достаточно одних личных усилий для создания нормальных нравственных отношений. Объективное воззрение Гегеля может клониться к другой крайности – к подчинению личного момента общественному и к забвению той грани, которая должна лежать между идеей общественной организации нравственности и принципом нравственной автономии... Правильное отношение состоит в их сосуществовании и взаимном признании»¹². Таким образом, Новгородцев, сохраняя творческий и критичный взгляд на идеи своих великих немецких предшественников, формирует собственную исходную методологическую позицию: совмещение субъективной этики Канта (свобода как априорная форма индивидуального сознания) с объективной этикой Гегеля (государство и право как способ достижения и реализации свободы).

В философии Гегеля Новгородцев особо ценным считал то, что в отличие от Канта тот сводит мораль и право к высшему единству, абсолютной нравственности, считая их частными проявлениями народной жизни. На первый план у Гегеля выходит идея государственного единства, твердости. Новгородцев обращает особое внимание на то, что подобные единство и твердость не должны подменяться абсолютизмом власти, поскольку частные отношения, свобода граждан являются священными и независимыми от утилитарных соображений. Гегель, рассматривая право на трех ступенях (как

абстрактное или формальное право, как личную мораль и как общественную нравственность в виде сочетания права и морали в общественных союзах), по мнению Новгородцева, по сути дает новый путь решения вопроса о единстве права и морали. Также в ключе гегелевского учения Новгородцев рассматривает и философский смысл нового государства, суть которого он видел в полном согласии частного с общим, где главным принципом государственной жизни является согласие и единство¹³.

Отталкиваясь от учений обоих немецких философов, Новгородцев все же особо выделяет идеи Канта, которые, по его мнению, позволили возвысить нравственное сознание над миром необходимости, над властью времени. Поскольку нравственное сознание человеческой личности противится той действительности, которая идет в разрез с этическими требованиями, то целью новой философии права (по Новгородцеву, естественного права), является ограждение и защита нравственной основы права от воздействия «мелкой практики» и «односторонней теории», утверждение его «чистого», идеального значения, его моральной основы. Думается, что эти задачи не потеряли своей актуальности и сегодня.

1. Историческая школа юристов, её происхождение и судьба. М., 1896. С.12-13.
2. См.: Жуков В. Н. Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XIX века. М., 2001. С. 79.
3. Новгородцев П.И. Право и достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995, С. 306.
4. Новгородцев П. И. Кант как моралист // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 319
5. Новгородцев П. И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 24
6. Там же. С. 10.
7. Новгородцев П. И. Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 64. С. 826.
8. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901. С. 156.
9. Там же. С. 243.
10. См.: Кузнецов Э.В. Философия права в России // М., 1989. С. 69.
11. Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 22.
12. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901. С. 244-245.
13. См.: Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 298.